

ПРОПОВЕДНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА (1946–1953 ГГ.)

PREACHING ACTIVITY OF THE ORTHODOX CLERGY POSTWAR PERIOD (1946–1953)

V. Kalashnik

Summary. the article analyzes the preaching activity of the Orthodox clergy in the post-war period. The main purpose of the article is to determine the nature and types of sermons. By means of the comparative-analytical method of research, the author managed to analyze the published texts of the Church sermons published mainly on the pages of the Journal of the Moscow Patriarchate for 1946–1953, and also to reveal their character. The necessity of the study of preaching as an object of study for historical science. Based on the specifics of the types and genres of homiletic works of the clergy, this or that sermon should have been as clear and accessible as possible to explain the gospel stories, which had instructive, explanatory, religious-philosophical, descriptive-narrative coloring. Some sermons were political in character. In conclusion, the author comes to the conclusion that the preaching activity of the clergy in the post-war period was the only legal form of «religious propaganda».

Keywords: Russian Orthodox Church; preaching activity; clergy; religion; Orthodoxy; propaganda; homiletics; Journal of the Moscow Patriarchate; Siberia; atheism.

Калашник Вячеслав Валерьевич

*Аспирант, Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
kalashnik-1988@inbox.ru*

Аннотация. В статье анализируется проповедническая деятельность православного духовенства в послевоенный период. Основной целью статьи является определение характера и видов проповедей. Посредством сравнительно-аналитического метода исследования, автору удалось проанализировать опубликованные тексты церковных проповедей, опубликованных преимущественно на страницах Журнала Московской Патриархии за 1946–1953 гг., а также выявить их характер. Обосновывается необходимость изучения проповедничества как предмета исследования для исторической науки. Исходя, из специфики типов и жанров гомилетических произведений священнослужителей та или иная проповедь должна была по возможности понятно и доступно объяснять евангельские сюжеты, которые имели назидательную, разъяснительную, религиозно-философскую, описательно-повествовательную окраску. Некоторые проповеди имели политический подтекст. В заключении, автор приходит к выводу, что проповедническая деятельность духовенства в послевоенный период являлась единственной легальной формой «религиозной пропаганды».

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; проповедническая деятельность; духовенство; религия; православие; пропаганда; гомилетика; Журнал Московской Патриархии; Сибирь; атеизм.

Введение

Актуальность выбранной темы исследования обуславливается тем, что на современном этапе развития отечественной исторической науки, исследователи, занимающиеся вопросами церковной истории, начинают всё чаще обращаться к церковной истории советского периода, в котором многие вопросы уже изучены, а некоторые из них, как например, тема проповедничества в условиях советского атеистического строя, представляют особенный интерес.

Изучение проповеднической деятельности применительно к исторической науке поможет определить особенности внутрицерковной жизни православного духовенства в условиях советской атеистической системы в течение первых послевоенных лет, а также выявить роль и значение проповедничества в деятельности духовенства как способа «религиозного просвещения» населения. Следует отметить, что одними из особенностей внутрицерковной жизни было

произнесение проповедей. По нашему мнению проповедничество являлось единственной формой открытого (законного) влияние на сознание верующих, что во многом объяснялось общими изменениями в статусе не только священнослужителей после войны, но и Русской Православной Церкви (РПЦ) в целом. Это, прежде всего, связано с изменением правового статуса Церкви, благодаря которому Русская православная церковь получила статус юридического лица, хотя и в ограниченной форме. Данный фактор способствовал возрождению не только её структурной организации, материально-финансовой базы приходов, но и возможности беспрепятственно произносить проповеди в действующих храмах. Роль и значение проповеднической деятельности православного духовенства огромны, так как именно благодаря проповедничеству Церковь способствовала духовному единению граждан (верующих), выполняя тем самым свою социальную функцию в советском обществе. Материал данного исследования может быть использован при составлении опорных лекций по истории РПЦ середины XX века, а также по курсу «Религиоведение».

Литературный обзор

В советской литературе по понятным идеологическим мотивам проповедническая деятельность не только не изучалась, но и даже не являлась предметом тщательного историко-теологического исследования. Проповедничество как исследовательское поле в современной российской историографии занимает одно из важных и актуальных направлений в отечественной исторической науке. Научные исследования, опубликованные за последние 8 лет, следует разделить на несколько групп:

Для первой группы характерны работы, в которых анализируется проповедническая деятельность православного причта в епархиях Среднего Поволжья и Северной Осетии, выявляются количественные и качественные особенности «информационно-просветительской работы» священнослужителей, определяются формы проповедей. Для исследований первой группы, также характерны изучение таких аспектов, как: анализ основных способов пастырского учительства (беседы, поучения и др.), являющихся важными составными элементами проповеднической деятельности [6; 17, с. 38–39; 18, с. 71–74; 75, с. 50–54].

Вторая группа отмечена работами, в которых анализируются особенности проповеднической деятельности православного духовенства в начале XX века. Особое внимание уделено проповеднической деятельности духовенства в годы русско-японской войны (1904–1905 гг.), анализу проповедей как средству урегулирования социально-политической обстановки в России в годы Первой Русской революции (1905–1907 гг.), а также проповеднической деятельности духовенства в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) [4, с. 232–234; 69, с. 157–159; 72].

Третья группа представлена исследованиями, посвящённые проповеднической деятельности православного духовенства во время социально-политического кризиса в России в 1917–1920 гг. Проанализирована деятельность осведомительных отделов при православных благочиниях, проповедническая деятельность духовенства, сводившаяся к агитации и сбору сведений о партизанах. Исследован вопрос об организации проповеднических отрядов в Сибирской армии адмирала А. В. Колчака [66–67; 68, с. 10–11].

Четвёртая группа публикаций представлена работами, в которых даётся подробный анализ проповеднической деятельности епископа Белгородского (впоследствии архиепископа Курского и Обоянского) Онуфрия (Гагалаюка), рассмотрена и изучена тематика проповедей, а также различные религиозно-философские толко-

вания епископа Онуфрия относительно Церкви, смысла жизни, религии. Определены характер и типология проповедей и публицистических материалов священнослужителей РПЦ в годы Великой Отечественной войны [10, с. 74–78; 12, с. 40–50; 13, с. 67–74; 71, с. 65–71].

Пятая группа публикаций, завершающая данный историографический обзор представлена работами историков, основное внимание которых, уделено источникам и методам контроля над проповеднической деятельностью православного духовенства со стороны уполномоченных Совета по делам Русской Православной церкви (далее СД РПЦ/религий) [15; 19; 70, с. 263–273].

Материалы и методы

Основной источниковой базой данного исследования является Журнал Московской Патриархии (далее ЖМП), на страницах которого опубликованы множество проповедей, а также сборник писем, статей, посланий, проповедей митрополита (впоследствии патриарха) Алексия. Для анализа проповедей сибирского духовенства (Омска, Новосибирска и Кемерово) были использованы архивные документы, имеющиеся в нашем распоряжении: фонды уполномоченного по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР (фонды №№ 1418 и 2603), а также материалы Кемеровского Обкома КПСС (фонд П-75). В исследовании применяется сравнительно-аналитический метод. Применение данного метода позволило выявить жанровую классификацию проповедей.

Результаты (Results)

Проповедническая деятельность в первые послевоенные годы была представлена проповедями различного характера и жанра, тематика, которой, в отличие от военного периода, в течение которого была отмечена только проповедями патриотического и философско-теологического характера [13, с. 67–74], стала более обширнее как по объёму, так и по содержанию. Как отмечает Н. С. Сапелкин, «общей чертой всех проповедей православного духовенства является призыв к укреплению пошатнувшейся веры» [73, с. 111]. Основными задачами православного проповедника являлись:

1. Составление наставлений о соответствии учению Евангелия;
2. Составление наставлений о свободе совести и об отделении церкви от государства, о братстве и дружбе народов, о господстве труда, о равноправии женщин [73, с. 110].

Как отмечает Л. И. Сосковец, «священники в своих проповедях призывали верующих соблюдать религиоз-

ные праздники и обряды, чаще посещать храмы, каяться в грехах» [74, с. 185]. При этом самыми «ходовыми» проповедями являлись проповеди христианской любви, добросовестного труда, борьбы с мирскими соблазнами [Там же].

На основе материала, которым мы располагаем, все проповеди можно разделить на следующие группы:

1. Разъяснительно-назидательного характера;
2. Описательно-повествовательного характера;
3. Историко-философского характера;
4. Биографического характера;
5. Разъяснительно-философского характера;
6. Беседы.

Для первой группы проповедей характерно краткое описание жизненного пути Девы Марии. Проповедник высказывает концепцию «Матери-одигитрии», в которую вкладывается ортодоксальная интерпретация Богоматери как не только матери Христа, но и всего христианского мира как «путеводительницы на Небо, которая спасает от бедствий, утешает в скорбях...» [43, с. 27]. Большую часть проповедей данной группы составляет прославление иконы Божией Матери как защитницы и покровительницы Руси. Подчёркивается историческая преемственность и роль, которую сыграла икона в ключевых событиях в истории России, связанная освобождением Руси от татаро-монгольского ига, шведской и польской оккупации, Наполеона и Гитлера. В проповеди с философской точки зрения, митрополит Николай разъясняет такие понятия, как: «жизнь», «вера», «надежда», «любовь». С точки зрения проповедника, жизнь — «это море, волнуемое ветрами бурь и непогоды», вера выступает как нравственный ориентир, который «ведёт каждого из нас к тихим берегам вечной жизни», «надежда — огни маяка вечной жизни, это сияние прекрасного горного Иерусалима..., надежда — это первая и основная добродетель истинного последователя Христова...» [Там же]. Наряду с разъяснительным характером проповедей, имеется и назидательная часть, которая заключается в наставлении священнослужителя своей паствы, а именно «жить верой, укрепляться надеждой, гореть любовью, смирать себя покаянием» [Там же].

Предпринимается попытка раскрытия сути «священных ночей»: Рождественской и Светлого Христова Воскресенья. Приведём примеры: «в первую из них совершилась величайшая тайна явления на земле Сына Божия. Это было началом подвига Богочеловека на земле. В пасхальную ночь — Церковь прославляет искупительный подвиг Богочеловека». Кроме того, раскрывается сущность смирения, которое заключается в духовном росте человека, а также осознания греховности перед Богом. Для проповеди данного типа характерен образно-смысловой контекст: в таких проповедях мы можем

обнаружить такие словосочетания, как «блудный Вавилон», «развратный Рим», которые в свою очередь служат лишь аллегорическими приёмами при раскрытии темы проповеди. Концепция проповеди заключается в том, что «новая жизнь» обязана рождению Христа, а также самой сути Рождественской ночи и ночи Светлого Христова Воскресенья, после которой начался новый этап существования христианской цивилизации, что подтверждается и текстом проповеди: «по новому стала работать мысль человека, уже христианская мысль, и стала развиваться новая культура, уже христианская культура, взамен одряхлевшей языческой» [44, с. 18–21].

Особое внимание уделено разъяснению понятия «радость». Важной особенностью является объяснение деструктивной сущности греха как отсутствия радости, прежде всего, духовного порядка. Для объяснения тех или иных вопросов, проповедник нередко использовал в своих проповедях чёткие и понятные примеры, что позволяло верующим вникнуть не только в суть произносимых проповедей, но и определить их главное значение [50, с. 20–23]. Например, произносятся проповеди, посвящённые Виленским мученикам: Антонию, Иоанну и Евстафию [39, с. 21–23] и высоко оценивая мученический подвиг Виленских святых, проповедник разъясняет истинные цели их подвига: «Они умирали за Христа, они умирали ради священной цели земной жизни — спасения бессмертной души. Они в своём мученическом подвиге проявили добродетели христианской жизни. Их воодушевляла вера в Небесного Отца, надежда на его милосердие и любовь ко Христу» [39, с. 21]. В проповеди сделан большой акцент на прославлении святых мучеников через построение структурно-образной модели мышления проповедника, что позволяет сформировать ему образ мучеников как «носителей высочайшего подвига и нетленной духовной красоты» [39, с. 22]. В некоторых проповедях затрагиваются проблема роли и значения Русской Православной Церкви, а также раскрывается проблематика «двуединой Церкви», т.е. земной и небесной [65, с. 24–26]. По мысли проповедника основная роль Церкви заключается в её призывной функции: «звать к покаянию, будить дремлющую греховную совесть человека, удерживая от уныния и отчаяния, молиться и призывать на Божие благоволение». Раскрывая проблематику «двуединой Церкви» проповедник раскрывает не только её двойственную природу, но и активно прибегает к формированию образов [64, с. 25]. Образ Церкви представлен как «мать, крепко и с любовью обнимающая нас своими материнскими объятиями...». Этот образный приём применяется также и для объяснения сути Таинства Крещения и для характеристики православных храмов в целом: «крещение — это наше духовное рождение; через него мы входим в ограду Святой Церкви», «храмы — места духовного отдыха и благодатного подкрепления» [63, с. 24, 26].

Митрополит Николай в своих проповедях уделяет также внимание объяснению значения Таинства Покаяния, которое начинается с духовного пробуждения, «с осознания своих грехов». При этом объяснения строятся на притче «о блудном сыне» [47, с. 28–31].

Особое внимание уделяется разъяснению сущности любви как духовно-нравственной категории: «любовь — это основа, на которой стоит весь мир, основа, на которой православные христиане совершают свой путь к жизни вечной, к своему вечному спасению». Приводится образ любви как «украшения христианской души» и её истинности, суть которой в смирении и кротости. Наряду с образно-смысловым конструктом любви в проповеди высоко оценена проповедническая деятельность апостолов Петра и Павла в деле распространения учения о агапе (любви) [25, с. 46–49]. Особое внимание в проповедях отводилось назиданию верующих. Такого рода назидания, как правило, строились на примере образа св. пророка Илии, а именно быть крепкими в вере и стойкими в своих религиозных убеждениях, несмотря на враждебность окружения. Следует также отметить, что проповедь митрополита Николая, на наш взгляд, имеет под собой определённые завуалированные параллели с советским атеистическим режимом. Учитывая переориентирование с 1948 г. Советского государства на позиции пересмотра «либерального курса» по отношению к Церкви, когда маховик новой антирелигиозной кампании стал вновь функционировать, данную проповедь можно считать назидательно-аллегорическим повествованием, в которой с учётом политкорректности советский строй заменён на иудейского царя Ахава, известного своим крайне отрицательным отношением к христианскому учению [62, с. 24–27].

На примере православных святых раскрывается значение истиной веры как «таланта, данного Богом», способы испытания веры посредством самоанализа (рефлексии) и наличия «духовных плодов» (положительных и отрицательных поступков) [20, с. 33–36]. Кроме этого, приводятся критерии духовности (любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость и воздержание) [20, с. 34–35].

Некоторые проповеди имеют также назидательный характер и написаны в форме пожеланий оставаться верными Богу православными христианами и не переставать заботиться о душе, любить храм как место «вознесения духа от земли к небу» [58, с. 52–56]. В таких проповедях затрагивается «проблема духа», или «проблема пути спасения человеческой души» Большое внимание уделяется притчам как способу конкретизации проповеднического изложения [36, с. 36–40]. С назидательных позиций конкретизируется необходимость веры в промысел Бога как в источник радости, утешения, духов-

ных сил и вдохновения на примере св. князя Александра Невского. Кроме того, в проповеди сформирован образ Бога как источника жизни и добра [48, с. 38–42]. Проповедь основывается на примерах св. апостолов Петра и Павла, о их молитвенной культуре или «молитвенной этики». На примере молитвенного подвига Павла, митрополит Николай стремится к поучению паствы молиться друг за друга, и приходит к выводу, что молитва — это «проявление нашей любви друг к другу: молитвой за ближнего и друг за друга мы совершаем дело любви, завещанное Богом...» [38, с. 33–37]. В определённых проповедях митрополитом Николаем был сделан акцент на необходимости соблюдения ветхозаветных заповедей, чтобы «приготовить себя к жизни будущего века», а также на «соблюдении божественной воли как способа духовного роста, проявления и обогащения духовной красоты» [32, с. 38–41].

На примерах благочестивых священников, монахов и апостолов в своих проповедях митрополит Николай формирует образ истинного христианина с ярко выраженными христианскими добродетелями: веры, сострадания, прощения и т.п., определяющие путь подвижничества и пустынночества, т.е. тот путь, которые избирают только избранные, истинные христиане, заботящиеся о соблюдении своей как внутренней, так и внешней чистоты [61, с. 30–32], раскрывает личность Божией Матери, как матери всего человечества, как источника силы покаяния и помощи в земных делах [42, с. 21–25], разъясняет сущность и внутреннее содержание Небесного Царства [64, с. 29–33]. Основным источником для данного рода проповедей было два Евангелия: от Иоанна и Матфея. Опираясь на эти евангелия, проповедник объясняет смысл общехристианского долга, раскрывает внутреннее содержание «Земного царства», его главную цель, формирует образ Церкви как хранилища Божественного откровения [63, с. 29, 32].

Следует также отметить, что для проповедей митрополита Николая характерно объяснение составных элементов «радостей веры» (радость покаяния, радость за совершение добрых дел и т.п.), а также её сила [49, с. 8–11], разъяснение предназначения священной обязанности христианина, заключающаяся в совершении добрых дел [49, с. 9, 11], объяснение смысла молитвы как средства духовного общения с Богом, раскрытие возможных путей воссоединения с Богом («Страстная седмица», духовное удовлетворение красотой природы как сотворённой части физического (материально-го) мира «Великим архитектором» (Богом)). Через свои проповеди проповедник призывает к внутреннему изменению, относительно вопроса о вере и праведности [24, с. 23–26], высказывает мысль о скоропостижности жизни, формирует образ земной жизни как источника или эссенции радости и счастья, посланного Богом, на-

чала вечного счастья, необходимости ценить жизнь. Для таких проповедей также характерно работа с образами. Например, в проповеди «Жизнь и смерть» формируется образ младенчества как примера ангелоподобия [31, с. 15–17]. На примере проповеди «Дары» разъясняется значение Божественной литургии, её внутренний и внешний смысл. Достаточно неоднозначно оценивается (в догматическом отношении) человеческая душа как «высшее создание после ангелов» [27, 10–14].

Тематика проповеднических текстов митрополита Николая довольно обширна. В ней проповедник стремится не только раскрыть смысл проповеди как способа «перерождения» души, как способа «утоления духовного голода» и «духовной жажды», но и раскрытие самой силы проповеди божественного учения. Так, например, на основе анализа проповедей Христа, апостолов и св. Иоанна Златоуста проповедник затрагивает вопрос о духовном аспекте проповеди, и вместе с тем формирует образ проповеди как способа изъяснения евангельских истин [54, с. 8–11]. В проповеди на примере «мученических актов» (сказаний о страданиях мучеников в первые века христианства) создаётся образ истинного православного христианина, в котором особо место занимает т.н. «Дух подвижничества». На этом примере проповедь призвана воодушевить верующих и следовать примеру мучеников, т.е. воспитывать в себе стойкость веры [34, с. 7–10]. Проповеди митрополита Николая содержат «живые» примеры терпения (на примере ап. Павла), сохранивший дух веры, когда подвергался унижениям, а также покаяния (на примере ап. Петра), который даже после прощения Христом, продолжал каяться в течение всей своей жизни [60, с. 30–33]. В некоторых проповедях не ставится конкретная цель определить или раскрыть смысл человеческого существования. В них только содержится призыв к уподоблению и приближению своей жизни примеру жизни Христа (отказаться от всего греховного), для того, чтобы соединить своё духовное начало с Богом [33, с. 22–26].

Примеры святости (Сергия Радонежского, Авраама), которые используются в проповедях, во многом служат способом раскрытия темы веры, силы патриотизма и силы человеческого духа. В таких проповедях священник призывает верующих стремиться к воспитанию подобных добродетелей [52, с. 22–25]. В проповеди разъясняется, что собою представляет «Нерукотворный храм», его сущность, перечислены достоинства христианской души. Кроме того, в проповеди объясняется смысл Таинства Крещения как способа освящения души Святым духом, а также Таинства Покаяния как способа воссоздания разрушенного грехами и пороками внутреннего «Нерукотворного храма» (души человека) [41, с. 21–25]. С целью назидания, на примере святых жён-мироносиц Марии Магдалины, Соломии и пр. проповедник раскры-

вает свидетельство большой веры и любви к Христу. Основной акцент в проповеди сделан на идее исповедничества как символа спасения, согласно христианскому учению [2, с. 159–160]. Идеализация стяжательства, труда и молитвы как символов крепости веры и силы духа православного человека обосновывается на примере жизни Преподобного Сергия Радонежского. Раскрывается психотип Преподобного как экстравертной личности: «Сам преподобный здесь трудился не только как игумен, но, как и рядовой инок, выполнявший разные монастырские работы на пользу живших с ним учеников...» [1, с. 161–162].

Ко второй группе проповедей можно отнести те, в которых кратко рассматриваются жития святых, почитаемых в РПЦ. В таких проповедях высоко оценивается проповедническая и просветительская деятельность св. Нины, игравшая важную роль в процессе христианизации Грузии в IV веке. Положительно оценивается такое явление как «юрродство», которое митрополит Николай называет «тяжёлым подвигом во имя Христа» [28, с. 13–16]. Следует также отметить, что важным элементом проповедей данной группы является оценочное суждение о христианстве как о унификационной модели построения и функционирования человеческого общества, наделённого равными правами и возможностями, при этом противопоставляя ему язычество как «тёмного времени», в котором «женщина не имела никаких прав в общественной и государственной жизни, когда она была унижена до того, что её не признавали за человека, приравнивая к домашнему скоту. В христианстве женщина поднята на небывалую высоту [28, с. 14–15]. Исходя из приведённой цитаты, можно предположить, что в проповеди митрополит Николай проводит определённые параллели с феминистическим движением глубокой древности, когда женщина благодаря Христу была наделена всеми правами наравне с мужчинами, стали полноправными членами человеческого общества.

Как и в проповедях предыдущей группы, проповеди второй группы содержат в себе множество образов. С помощью образов проповедник изъясняет суть Таинства Покаяния. Приведём некоторые примеры: образ грешника как некоего путника «заблудившегося в снежную ночь», пытавшийся найти путь к покаянию. Суть данного образа, как считает сам митрополит Николай, заключается в «радости прощения». Среди других образов следует назвать образ христианства как «религии света и духовных радостей». Образ же грехов и добродетелей в проповеди представлен в виде «лестницы» или «золотой и порочной цепи» соответственно. Кроме того, в проповеди подробно анализируются причины, по которым человек затрудняется прийти к покаянию. Среди таковых, автор проповеди называет: неумение осознать степень своего греха, невозможность понять его губи-

тельную силу, а также отсутствие сил вдохновения верой и надеждой на милосердие Бога [46, с. 38–41].

Описываются условия или своеобразные методы поиска, познания Бога, истины, которые можно условно разделить на условия духовного и психического порядка. К духовным относятся: разум, сердце, совесть. К психическим: скептицизм [9, с. 24–25]. Посредством аллегории описывается духовная сущность весны, как времени начала духовного преображения и покаяния [23, с. 30–33]. В проповеди «Скорби и радости» повествуется о внутренних и внешних скорбях, под которыми проповедник понимает «бесчисленные болезни, посещающие нас, опасности от огня, от злых людей, всякого рода обиды, потеря близких людей, скорби и страдания, порожденные нашими страстями зависти, гордости, ревности и самолюбия» [53, с. 25–28]. Кроме того, в проповеди сделан важный акцент на сравнении веры с «крыльями души»: «На этих крыльях мы высоко поднимаемся над землёй, проникая своим духовным взором в небо духовное, в мир невидимый». Вера в интерпретации проповедника предстаёт в образе светоча, который ведёт человека по его земному пути. Проповедь снабжена образами силы покаяния, взятые в качестве примеров из Евангелия:

- ◆ Пример силы покаяния мытаря Закхея (Евангелие от Луки. Глава 19, стих 8);
- ◆ Пример силы покаяния на основе притчи о блудном сыне [53, с. 25–26].

В проповеди, посвящённой 800-летию основания Москвы, акцентируется внимание на историческом развитии города, начиная от её основания князем Юрием Долгоруким и заканчивая превращением в мощный культурно-политический центр после объединения русских земель и изгнании польских интервентов в начале XVII века. Кроме того, в проповеди высоко оценена роль московского духовенства в расширении церковно-политического авторитета Москвы в XIV–XVII вв., подъёме национально-патриотических чувств народа в годы Великой Отечественной войны. В тоже время, следует отметить, явную идеологическую и политическую контрастность проповеди, в которой ясно обозначена позиция РПЦ в её отношении к государственной власти, занятую ещё в 1927 г. с декларации митрополита Сергия (Страгородского), выражающая полную лояльность к советскому правительству, уважение к авторитету власти и полное понимание политической действительности [5, с. 12–13].

В проповеди «Счастье» повествуется о любви как источнике счастья. Формируется образ Христа как источника любви, источника веры [59, с. 17–20]. Повествуется о природе греха и «духовных болезнях» человека (страданиях и испытаниях), их двойственной натуре,

раскрывается концепция «духовной борьбы» (борьба духа с внутренними человеческими пороками-грехами). Всё это составляет основу проповеди «Добрые воины» [29, с. 18–21]. В проповеди «Вера, надежда, любовь» объясняется значение каждого отдельного символа данных христианских добродетелей. Кроме того, ведётся повествование о значении христианского праздника «Воскресения Христова». Проповедь подробно раскрывает суть каждой отдельной добродетели, отмеченных выше, приводя конкретные примеры из библейских сюжетов: духовный подвиг жён-мироносиц как пример истинной любви к Богу, пример духовного подвига апостола Фомы как примера истинной веры в Бога, пример расслабленного старца Иерусалимского, ожидавший своё исцеление в течение 38 лет, символизирующий проявление надежды [22, с. 12–15].

Повествование о мученических подвигах учеников Христа (апостолов), в которой высказана концепция «Страдания через радость» как догмат христианства в интерпретации апостола Павла, о вере как источнике ободрения, украшения и успокоения, где раскрывается смысл духовных и физических страданий учеников Христа представлено в проповеди митрополита Николая [57, с. 45–49]. В другой проповеди того же проповедника повествование строится вокруг библейской истории о первородном грехе, его значении, смерти Христа. Раскрывается догматический смысл искупительной жертвы Христа [51, с. 19–22]. Проповедь снабжена многочисленными образами Христа (божественный судья и учитель). Данный образ формируется на примере картины «Страшный суд». Среди других образов следует назвать образ Христа как «Бога любви» и «Бога правды». Высказывается догматическая «концепция мира» как времени проявления божественной любви, а также «концепция смерти» как времени окончательного решения (божественного суда), т.е. предопределения участи человеческой души [35, с. 25–28].

В проповеди митрополита Григория кратко рассматриваются историко-политические события, сыгравшие важную роль в жизни РПЦ и государства (принятие христианства в 988 г., получение независимости РПЦ от Константинополя в 1448 г., а также взаимоотношений РПЦ и Ватикана, которые в проповеди оцениваются резко отрицательно). Учитывая, что РПЦ после войны активно использовалась советским правительством на внешнеполитическом направлении своей деятельности, в частности против борьбы с Ватиканом, проповедь носит явный политизированный характер [8, с. 36–37]. Посредством образного сравнения повествуется о дне и ночи не о как природных явлениях, а как о метафоричных категориях. Например, в проповеди день ассоциируется с рождением Христа как носителя света. Ночь ассоциируется с идолопоклонством, язычеством, греха-

ми и пороками [45, с. 23–26]. Рассматривается природа христианского мира, состоящая из истины, непреложного видения (знания) о Боге, понимание и веры в тварное происхождение природы и человека. Кроме того, даётся негативная оценка деятельности стран «Северо-атлантического пакта», отображая в проповеди время «Холодной войны». Негативная оценка высказывается и по отношению к деятельности Римско-католической церкви за её пренебрежительное отношение к восточным христианам и к СССР в частности, что указывает также на политический подтекст проповеди [14, с. 34–35]. Рассказывается о православном храме, раскрывается его предназначение, его «духовная природа». Также уделяется внимание молитве как показателю «живой души» [63, с. 25–29].

Третья и четвёртая группы проповедей представлены следующим содержанием:

- ◆ Рассуждением о смысле жизни, который заключается в служении Богу как «источнику света и тепла для человеческой души». Разведением таких понятий как «мирская и духовная жизнь». «Мирская жизнь» в проповедническом контексте представляет собой повседневность, наполненная «миазмами человеческих грехов, страстей, взаимной лжи, злобы, мести и всякой нравственной грязи», что полностью её отличает от «жизни духовной», которая, по мнению проповедника ««исполнена духовной красотой», в которой человек духовно преображается [30, с. 18–21];
- ◆ Кратким описанием земной жизни преподобного Сергия Радонежского. Как и в проповедях отмеченных выше, большое внимание уделено построению образов при характеристике личности. Работа с образами, по нашему мнению, придаёт проповеди особую колоритность, и позволяет сконцентрировать внимание верующих, уделяя внимание деталям. При характеристике личности Сергия мы можем встретить такие образы, как «святой» (данный образ основывается на различных духовных подвигах его жизни и деятельности), «носитель истинного духа смирения», «носитель и источник любви», «совершенный образец христианских добродетелей» [40, с. 11–13].

Пятая группа представлена проповедями, в которых:

- а) изложены рассуждения о смысле сотворения человека. Следуя библейскому догмату о происхождении человека, проповедник приходит к выводу, что «человек создан не для смерти, а для жизни»;
- б) выражена точка зрения относительно «Таинства смерти», согласно которому, «смерть — это дверь в вечность»;

в) выражен ортодоксальный взгляд на учение о «мытарствах» или испытаниях, которые проходит душа после смерти. Стоит отметить, что учение о «мытарствах» характерно только для Православной церкви, т.к., например, в Римско-католической церкви понятия «мытарство» отсутствует, а фигурирует только «чистилище» [55, с. 22–26].

В проповеди архиепископа Андрея излагается «концепция суда», которую можно условно назвать «концепцией религиозно-нравственной онтологии», включающая в себе четыре составных элемента: совесть, или нравственный суд, история, или суд времени, физический мир, или суд природы, и наконец, божественный (духовный) мир, или «Страшный суд». Если первые три составных элемента, согласно проповеди, сопровождают человека в течение всей его жизни, то последний является конечным, определяющий дальнейшую судьбу человеческой души [3, с. 27–29]. Проповедь митрополита Николая содержит в себе рассуждения относительно цели и предназначения человеческого существования, в которых явно прослеживаются черты философии креационизма: «Человек создан для приготовления себя к жизни будущего века, ему предстоит духовно совершенствоваться, и расти, достигая богоподобия, созреть для будущего, как колос...». Основным средством духовного самосовершенствования, согласно проповеди, выступает принуждение, внутренний самоконтроль и дисциплина [56, с. 17–22].

Шестая группа представлена проповедническими трудами исключительно митрополита Николая, в которых затрагивается тема смерти: «Смерть — это покой телу человека, это конец всем земным заботам, тревогам человека, земной суете, конец и многочисленным, нередко тяжким болезням и страданиям». Характерной особенностью данной группы проповедей является содержание вопросов, которые ставит проповедник перед прихожанами. Проповедь посвящена осмыслению силы веры и основывается на конкретных примерах (римский сотник из Копернаума) [21, с. 32–36].

Затрагиваются также и другие вопросы, а именно:

- а) Сущность (природа) греха;
- б) Сущность и значение Таинства Крещения и Покаяния (Таинство Крещения в проповеди интерпретируется как способ борьбы с грехом, а Таинство Покаяния как способ очищения души от греха). При этом в качестве примера истинного покаяния приводится уже упоминавшееся выше притча о блудном сыне [26, с. 19–22].

Изучение архивных материалов, преимущественно фондов уполномоченного по делам Русской Православ-

ной Церкви по Омской, Новосибирской и Кемеровской областей, позволило определить содержание и характер проповедей сибирских священнослужителей. Так, например, из характеристики уполномоченного по делам РПЦ по Омской области Б. Сергеева от 28 февраля 1948 г., мы можем определить характер и содержание проповеди архиепископа Омской и Тюменской епархии Палладия (Шерстяникова). Характер его проповеди исходя из содержания можно определить как сравнительно-аналитический. В проповеди Палладий сопоставил суд буржуазный и советский и подчеркнул свою полную лояльность советской власти [11, д. 5. л. 23].

Нередко прихожане выражали недовольство качеством произносимых проповедей тем или иным священнослужителем. Так, согласно информационным отчётам уполномоченного по делам РПЦ за 1 квартал 1948 г. (см. раздел «Положение и деятельность церкви») прихожане Никольской и Крестовоздвиженской церквей г. Омска были недовольны редким произношением проповедей архиепископом Алексием (Пантелеевым) (проповеди были малопонятны, произносились тихим, невнятным голосом). Проповеди, как правило, произносились на евангельские темы (в среднем 2 проповеди в течение одного квартала 1948 г.) [11, д. 8. л. 5–6]. В своих проповедях архиепископ Палладий также пытался увязать евангельские темы с современностью, в которых он сопоставлял правительства капиталистических стран (их критика) с советским правительством. Евангельской тематике также была посвящена проповедь священника Никольской церкви г. Омска Сеницына. В своей проповеди Сеницын, как сообщалось в информационном отчёте за 4 квартал 1948 г. уполномоченным А. Плотовым, призывал «не отклоняться от церкви, не обращать внимания на некоторых лиц, старающихся отвлекать верующих от церкви» [11, д. 8. л. 60–61].

Проповеди патриотического характера чаще всего читались настоятелем церквей в г. Новосибирске Сырневым и Крыловым — настоятелем молитвенного дома в с. Болотное, Новосибирской области [7, д. 23. л. 55]. Проповеди архиепископа Варфоломея (Городцова) затрагивали религиозные темы (тему христианской морали с одновременными призывами «любить Родину, подчиняться властям, работать над восстановлением хозяйства») [Там же]. Стоит отметить, что проповеди митрополита Варфоломея были посвящены обычно евангельским или библейским темам, о каком-либо церковном событии или церковном деятеле, которым был посвящён тот или иной праздник. Например, после молебна 7 ноября и 21 декабря 1948 г. в день 32-й годовщины Октябрьской революции и в честь 70-летия Сталина митрополит Варфоломей произнёс патриотические проповеди. При этом особо яркой, как отмечалось в отчёте уполномоченного, была проповедь, произнесённая 21 декабря,

посвящённая Дню рождения Сталина, которая имела патриотический характер. В некоторые своих проповедях митрополит Варфоломей повторял свои призывы к верующим приводить детей в церковь, воспитывать их в религиозном духе (например, в день Иоанна Богослова, 9 октября, в проповеди о любви к Богу митрополит говорил о том, что у верующих всё сильнее должна возгораться любовь к Богу, что необходимо приучать детей любви к Богу, к церкви, обучать их молитвам, Закону Божьему, что указывало на наставленческий характер проповеди) [7, д. 36. л. 12–13].

Проповеди епископа Омского и Тюменского Никандра (Вольяникова) и духовенства Вознесенского собора г. Новосибирска также касались евангельских и библейских тем [7, д. 36. л. 13]. В 1950 г. основными темами проповедей митрополита Варфоломея оставались евангельские и библейские темы. Во многих проповедях, произнесённых в 1950 г. митрополит по-прежнему призывал верующих воспитывать детей в религиозном духе, учить их молитвам, приводить в церковь, крестить. С патриотическими проповедями, с проповедями о мире митрополит Варфоломей обращался относительно редко (например, в 1948 г. в день Советской армии с проповедями патриотического характера выступили митрополит Варфоломей и настоятель Успенской церкви г. Новосибирска, священник Удинцев) [7, д. 27. л. 50; д. 40. л. 51–52. Это подтверждает и информационный доклад за 4-й квартал 1951 г. уполномоченного по делам РПЦ по Новосибирской области Созонёнка [7, д. 42. л. 20–21].

В проповеди сравнительно-аналитического характера, согласно справке о деятельности настоятеля церкви в г. Белово, Кемеровской области Б.М. Запольского от 28 сентября 1953 г., говорилось, что «в день праздника Воздвижения креста было сделано сравнение, что советская неверующая молодёжь уподобляется не покаявшемуся, висевшему на 3-м кресте разбойнику, низвергнутому за это неверие богом в ад. 4 ноября во время вечерней службы, в своей проповеди Запольский сказал, что женщины не имеют никаких прав, их обязанность ухаживать за своим мужем, детьми и готовить им пищу. Особенно изощряется в своих проповедях в поднятии авторитета служителей культа» [76, д. 251. л. 24–25]. Стоит отметить, что проповедь «о неравноправии женщин» явно противоречило тексту 126 статьи Советской конституции (Глава XI конституции РСФСР от 21 января 1937 г.) [16].

Заключение

Таким образом, изучение проповеднической деятельности православного духовенства в послевоенный период позволило сделать вывод о том, что данная деятельность являлась единственной легальной формой

«религиозной пропаганды», с помощью которой Русская Православная Церковь стремилась осветить ключевые аспекты христианского вероучения в условиях враждебного атеистического строя. В то же время, важной особенностью проповеднической деятельности духовенства в рассматриваемый период является жанровое разнообразие гомилетических произведений. Исходя из анализа проповедей, большая их часть приходится на «московское духовенство», а меньшая на «сибирское» соответственно, которое было ограничено проповедями патриотического и сравнительно-аналитического характера. Важно подчеркнуть, что низкий уровень проповеднической деятельности «сибирского духовенства» во многом объяснялся общим состоянием церков-

но-приходской жизни в данном регионе страны, а также самой численностью и подготовленностью (образованностью) самих священнослужителей, которые по этим показателям существенно уступали «московскому духовенству».

Благодарности

Автор статьи выражает благодарность преподавателю русского языка и литературы Н.Л. Кравченко, оказавшая помощь в стилистической правке работы, а также своему научному руководителю доктору исторических наук, профессору В.Г. Рыженко, оказавший неоценимую помощь в подготовке рукописи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексей (Симанский), патриарх Московский и всея Руси. Слово в день обретения мощей Преподобного Сергия Радонежского (18 июля 1947 г.) / Алексей. Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи (1941–1948). М., 1948. С. 161–162.
2. Алексей (Симанский), патриарх Московский и всея Руси. Слово святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексея в воскресный день памяти святых жён-мироносиц (27 апреля 1947 г.) / Алексей. Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи (1941–1948). М., 1948. С. 159–160.
3. Андрей (Сухенко), архиепископ Омский и Тюменский. Слово, в праздник Вознесения Господня // ЖМП. 1946. № 9. С. 27–29.
4. Байрамуков А. С., Гагуева Ф. Р. Проповедническая деятельность военного духовенства в русско-японской войне / World Science: Problems and Innovations. Сб. статей победителей XI Международной научно-практической конференции (Пенза, 25 июня 2017 г.). — Пенза, 2017. С. 232–234;
5. Вениамин (Миллов), архимандрит (впоследствии епископ Саратовский и Балашовский). К 800-летию Москвы: речь в Троице-Сергиевой лавре // ЖМП. 1947. № 11. С. 12–13.
6. Гостиева Л. К. Православие в Осетии: Очерки о православном духовенстве второй половины XIX — начала XX в. — Владикавказ, 2014.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.-1418. Оп.1.
8. Григорий (Чуков), митрополит Ленинградский и Новгородский. Слово, произнесённое в Богоявленском Патриаршем соборе в день памяти святых Первоверховных апостолов Петра и Павла (12 июля 1948 г.) // ЖМП. 1948. № 8. С. 36–37.
9. Григорий (Чуков), митрополит Ленинградский и Новгородский. Слово, произнесённое в Ленинградском Спасо-Преображенском соборе в неделю апостола Фомы (28 апреля 1946 г.) // ЖМП. 1946. № 6. С. 24–25.
10. Забникова Е. С. Проповеднический текст в православной журналистике (на примере публикаций архиепископа Луки — профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого в «Журнале Московской Патриархии» 1940-х гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 74–78.
11. Исторический архив Омской области (КУ ИСА). Ф.-2603. Оп.1.
12. Калашник В. В. Журнал Московской Патриархии как источник по изучению публицистической деятельности православного духовенства в послевоенный период (1946–1953 гг.) // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы [Текст]: материалы междунар. науч.-практ. конф., Вологда (27 июня 2018 г.), Вологда, 2018. С. 40–50.
13. Калашник В. В. Проповедническая и публицистическая деятельность духовенства Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (77). Часть 2. С. 67–74.
14. Каллистрат (Цинцадзе), Каталикос-Патриарх всея Грузии. Слово, сказанное на Святую Пасху в Сионском соборе в Тбилиси (24 апреля 1949 г.) // ЖМП. 1949. № 5. С. 34–35.
15. Киналь А. В., Мику Н. В. Проповедническая деятельность православного духовенства Пензенской области (1940–1980 гг.). URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/01/46272> (дата обращения: 30.07.2018).
16. Конституция (Основной закон) РСФСР (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/chapter/8c635a6adbf5951fcb0f9e5ed6429908/ (дата обращения: 09.03.2018).
17. Кошелева А. И. Проповедническая деятельность приходского духовенства в епархиях Среднего Поволжья в пореформенный период (На примере Пензенской и Самарской епархий) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 38–39.
18. Кошелева А. И. Проповедничество приходского духовенства Пензенской и Самарской епархий в пореформенный период // Вестник СамГУ. 2011. № 4 (85). С. 71–74.

19. Молодов О. Б. Источники о контроле за проповедями православного духовенства Вологодской епархии в 1960–1980-е гг. URL: <http://www.vestarchive.ru/2012-4/2535-istochniki-o-kontrole-za-propovediami-pravoslavnogo-dyhovenstva-vologodskoi-eparhii-v-19601980-e-pdf> (дата обращения: 30.07.2018).
20. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Вера // ЖМП. 1950. № 1. С. 33–36.
21. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Вера и дела // ЖМП. 1950. № 9. С. 32–36.
22. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Вера, Надежда, Любовь // ЖМП. 1947. № 6. С. 12–15.
23. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Весна // ЖМП. 1952. № 5. С. 30–33.
24. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Встречи со Христом // ЖМП. 1947. № 3. С. 23–26.
25. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Гимн любви // ЖМП. 1952. № 8. С. 46–49.
26. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Грех // ЖМП. 1951. № 1. С. 19–22.
27. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Дары // ЖМП. 1948. № 6. С. 10–14.
28. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Дети и братья // ЖМП. 1946. № 2. С. 13–16.
29. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Добрые воины // ЖМП. 1947. № 5. С. 18–21.
30. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Жажда // ЖМП. 1946. № 3. С. 18–21.
31. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Жизнь и смерть // ЖМП. 1947. № 4. С. 15–17.
32. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Заповеди // ЖМП. 1951. № 8. С. 38–41.
33. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. За Христом // ЖМП. 1949. № 10. С. 22–26.
34. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Звание христианина // ЖМП. 1949. № 7. С. 7–10.
35. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Любовь и правда // ЖМП. 1948. № 10. С. 25–28.
36. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Мать и дети // ЖМП. 1950. № 12. С. 36–40.
37. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Мёртвые // ЖМП. 1950. № 10. С. 24–27.
38. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Молитва и благодать // ЖМП. 1951. № 11. С. 33–37.
39. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Мученики // ЖМП. 1946. № 8. С. 21–23.
40. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Наша Слава // ЖМП. 1946. № 7. С. 11–13.
41. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Нерукотворный храм // ЖМП. 1949. № 12. С. 21–25.
42. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Не сироты // ЖМП. 1951. № 7. С. 21–25.
43. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Нечаянная Радость // ЖМП. 1946. № 1. С. 25–27.
44. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Новая жизнь // ЖМП. 1946. № 5. С. 18–21.
45. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Ночь и день // ЖМП. 1949. № 2. С. 23–26.
46. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Покаяние // ЖМП. 1946. № 4. С. 38–41.
47. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Пробуждение // ЖМП. 1952. № 6. С. 28–31.
48. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Промысл // ЖМП. 1950. № 11. С. 38–42.
49. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Радости веры // ЖМП. 1947. № 11. С. 8–11.
50. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Радость // ЖМП. 1946. № 6. С. 20–23.
51. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Райские двери // ЖМП. 1948. № 7. С. 19–22.
52. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Святые // ЖМП. 1949. № 11. С. 22–25.
53. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Скорби и радости // ЖМП. 1951. № 10. С. 25–28.
54. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Слово Божие // ЖМП. 1949. № 4. С. 8–11.
55. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Смерти нет // ЖМП. 1946. № 9. С. 22–26.
56. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Сокровище // ЖМП. 1950. № 2. С. 17–22.
57. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Страдания // ЖМП. 1948. № 9. С. 45–49.
58. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Странники // ЖМП. 1950. № 8. С. 52–56.
59. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Счастье // ЖМП. 1947. № 1. С. 17–20.
60. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Терпение и покаяние // ЖМП. 1949. № 9. С. 30–33.
61. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Уроки // ЖМП. 1951. № 9. С. 30–32.
62. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Утешение // ЖМП. 1952. № 12. С. 24–27.
63. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Храм // ЖМП. 1949. № 8. С. 25–29.
64. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Царство Небесное // ЖМП. 1951. № 3. С. 29–33.
65. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Церковь // ЖМП. 1946. № 10. С. 24–26.
66. Олихов Д. В. Организация проповеднических отрядов к Сибирской армии адмирала А. В. Колчака временным высшим церковным управлением Сибири. URL: <https://vivliophica.com/articles/history/119795/1> (дата обращения: 30.07.2018).
67. Олихов Д. В. Проповедническо-осведомительная деятельность сибирского православного духовенства в период Гражданской войны. URL: <http://rutmuseum.info/node/5794> (дата обращения: 30.07.2018).
68. Павлова О. С., Салахова Э. Т. Проповедническая деятельность епископа Уфимского и Мензелинского Андрея среди солдат и офицеров в 1917 году // *Международный научно-практический журнал «Интеграция наук»*, 2016. № 4 (4). С. 10–11.

69. Павлова О. С. Социальная и проповедническая деятельность Уфимского епархиального духовенства в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. II. С. 157–159.
70. Попова К. Ю. Организация контроля за проповеднической деятельностью православного духовенства со стороны уполномоченных Совета по делам религий при Совете министров СССР в 1960–1980-е гг. (на материалах Южного Урала) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. Вып. 2 (2). 2014. С. 263–273.
71. Русин. В., иерей. Эпистолярное наследие священномученика Онуфрия (Гагалаюка). Из фондов Харьковского церковно-исторического музея / Формирование и развитие исторического типа русской цивилизации: к 700-летию рождения преподобного Сергия Радонежского (сб. науч. трудов). — Курск, 2017. С. 65–71;
72. Рязузов С. С. Особенности проповеднической деятельности северного духовенства в начале XX века. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2010/adds.htm> (дата обращения: 30.07.2018).
73. Сапелкин Н. С. За други своя... Воронежская епархия в годы Великой Отечественной войны. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2009. — 202 с.
74. Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. Томск: Томский государственный университет, 2003. — 346 с.
75. Фасхутдинова Е. С. Проповеди вологодских архиереев второй половины XIX — начала XX века // Вестник ЧелГУ, 2013. № 3. Т. 2. С. 50–54.
76. Центр документации новейшей истории Кемеровской области (ЦДНИКО). П-75. Оп. 7.

© Калашник Вячеслав Валерьевич (kalashnik-1988@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Омский государственный университет